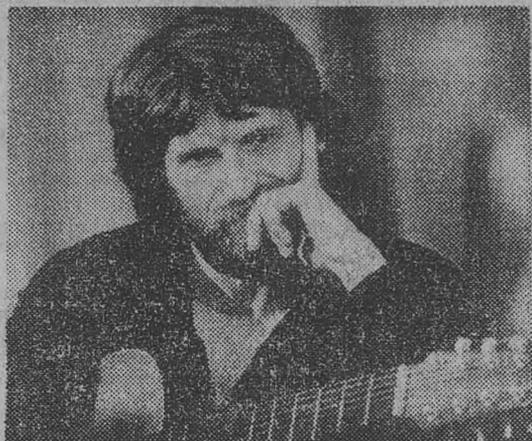
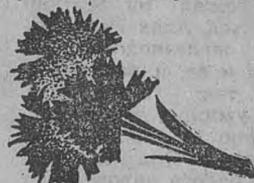

Никита ДЖИГУРДА:

«Наравне
со временем МОИМ»

Имя Никиты Джигурды, актера театра-студии под руководством Е. Р. Симонова, ассоциируется сегодня прежде всего с его песнями. Они прозвучали на его концертах в ряде городов страны, в том числе в Москве в концертно-спортивном комплексе «Измайлово», запомнились телезрителям в передачах «Добрый вечер Москва!», «Утренняя почта», «120 минут». Пользуются бешеным спросом его магнитные альбомы — одни названия чего стоят: «Перестройка», «Гласность», «Ускорение», «Утопия».

С самого начала привлекает внимание голос, почти неотличимый от голоса Высоцкого. Вслушиваешься — из песен так и хлещет наша сегодняшняя жизнь, преподносимая предельно открытым, резким, а порой и тяжелым словом. Ни нюансов, ни полутонов — максимальная социальность, плакатность, самые болезненные и злободневные темы. Декларативная оппозиционность, крайняя «левизна».

Нашу липу и дубье
Мы срубили вроде бы.
Но остались корни — пни.
Трогать их — ни-ни,
ни-ни...

— Никита, похожесть твою на Высоцкого (я имею в виду песни) режет ухо. Невольно думаешь об эпитонстве, которое, как известно, малоплодотворно...

— Я бы сказал, что я не подражатель, а последователь и продолжатель. Никогда «живьем» не видел Владимира Семеновича, но на песнях его вырос, с юных лет слушал их и исполнял сам. Под его влиянием и начал писать. Но, как выяснилось, мои песни — другие, как и время другое.. Высоцкий основным высказывал эзоповым языком, я — открытым текстом — слава богу, сейчас можно, хотя некоторые вещи и до сих пор петь не разрешают.

А смолоду натерпелся неприятностей. И дома, в Киеве, где «не пушали» на эстраду. И в Москве, будучи студентом Щукинского театрального училища (поступлением в которое я обязан Е. Р. Симонову, моему учителю в актерском деле). В 1983 году, в годовщину смерти Высоцкого, два часа пел свои песни у его могилы... Пришлось выдержать конфликт с представителями правопорядка, а вскоре меня отчислили из училища — правда, снова потом восстановили, через некоторое время снова исключили, опять восстановили... В ректорате объясняли: петь на могиле Высоцкого — это несовместимо со званием советского студента. Зато в следующую дату — день рождения поэта — для ребят в штатском оказалось вполне совместимым с законом взять меня на улице, отвезти в отделение милиции и продержать до вечера, чтобы я не смог на этот раз почтить память Владимира Семеновича.

Нет, я не эпитон. Но от родства грех отрезаться. Высоцкий, а также Галич, с творчеством которого я познакомился, приехав в Мо-

скову, — мои духовные отцы. Кстати, тогда же, в 1983 году, я показывался в Театре на Таганке Юрию Петровичу Любимову, и он был серьезно намерен ввести меня в спектакли «Павшие и живые» «Пугачев», «Послушайте» на роли, которые играл Высоцкий. Правда, вскоре Любимов уехал, и вопрос об этом отпал. Сейчас режиссер вернулся, да спектаклей тех нет. Тем не менее идея тогдашняя не похоронена окончательно...

— Прямо-таки с гордостью ты говоришь о том, как тебя зажимали и преследовали «до перестройки», да и после апреля 1985-го. Не спорю: в своих песнях ты даже для нынешнего времени непривычно смел. Но все же своим рупором ты избрал песню, то есть — по идее — жанр художественный. Однако, извини за прямоту, художественности-то, высокого поэтического уровня у тебя не нахожу.

Я целую прелестные
плечи,
Замираю от ласковых рук.
Что с минутами этими
вечность,
Если в вечности нет
твоих губ.

Это ж не стихи, а «рыба», не совсем в ладах с русским языком и здорово отдающая кичем на уровне «Ласкового мая». Согласись, мало просто перечислить в песне Грузию и Карабах, Чернобыль и Афганистан, Сахаров и Гдльяна, это еще не поэзия! Как не поэзия и примитивные приключения твоего персонажа Петюни — алкаша и матерщинника. Смелость смелостью, но, помилуй бог, надобны же и вкус, и культура...

— Что делать, если я — из поколения, лишенной подлинной культуры! И не отдаю себя от него. Я не пишу «для вечности», не считаю главной задачей эстетическую. Раскрепостить душу слушателя, заставить его прочувствовать ту сиюминутную информацию, которая не всегда «входит» при чтении газет. Вот чего я хочу. И, мне кажется, люди меня не восприняли бы, если бы я разговаривал с ними с высот «изящного», если бы мои песни по уровню стояли над их обыденными реакциями. Я — рядовой, я — свой, я — равный. Во всем. И я люблю своих героев, и слушаюлей такими, какие они есть сейчас, сегодня — «черненькими», с прилихшей грязью времени, иногда нелепыми, иногда некультурными. Главное, правда. Она, как это

ни банально звучит, моя любовь на всю жизнь. А правда требует и черновой работы во имя ее — кому-то же надо эту работу делать, не боясь измазаться! Вот я и стараюсь. Хотя многие называют это «чернухой»... И побояются. Как побоялись пускать меня в эфир бравые парни из «Взгляда»...

Я пою неприятные, горькие, грубые вещи. И за это заслужил тысячи обвинений в «непатриотизме». Конечно, кое-кому мало приятно слышать такие строчки про Чернобыль (перевожу с украинского):

А где ж нам взять такую
песню,
Чтоб про реактор в ней
сказать.

И отчего он, клятый,
треснул,
И где злодея нам искать?..

Естественно, «злодеи», многие из них так и не наказаны, первыми скажут: «Антисоветчик! Духовный эмигрант!».

Кстати, однажды Би-би-си передала несколько моих песен. Тогда еще мало кто знал про меня. И кто не знал, решили, что я эмигрант, и пошло, поехало... Отсюда название моих концертов: «Я, по прозвищу эмигрант».

Но я не эмигрант. Живу в этой стране. Болею за нее. И люблю ее.

Нам отпущено свыше
заполнять верой души.
И полями страданий
и дорогой в мечту,
Мы Россию услышим
сквозь кровавые стужи,
Мы поймем, мы подставим
наши спины кресту.
(Альбом «Утопия»).

— Никита, о песнях мы поговорили вдоволь. Но ты же еще и актер...

— Играю в театре-студии. Снял в трехсерийном телефильме «Раненые камни» (студия им. Довженко). Сейчас участвую в ленте, которую снимает на студии имени Горького режиссер Ю. Сорокин. Название «Откровение Иоанна Первопечатника» (или «Иван Федоров»). Главного героя играет молодой актер Ф. Сухов, Ивана Грозного — И. Смоктуновский, участвуют в фильме М. Терехова, В. Ивашов, А. Дружников, А. Трофимов — словом, «команда» замечательная. Сам же играю князя Андрея Курбского, которого для себя называю первым русским диссидентом, и который был ярким врагом самовластия и кровавой тирании. Мне эта роль по нутру...

Вел беседу
В. ГРЕВЦЕВ.